

Исследования по теории культуры

УДК 82.09(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-7-150-162

«Целомудрие неличного вдохновения»: к проблеме метода в творчестве С.С. Аверинцева

Алексей Л. Вольский

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, volskij@mail.ru*

Аннотация. Целью данного исследования является определение роли традиции в творчестве С.С. Аверинцева. Новизна исследования состоит в том, что творчество автора рассматривается как триединство, включающее научные исследования, переводы и поэзию С.С. Аверинцева. В статье выдвигается гипотеза о том, что в основании мироощущения Аверинцева лежит философия всеединства, научной транскрипцией которой была русская школа исторической поэтики и шире – романтическая герменевтика культуры. Центральным в методе С.С. Аверинцева выступает понятие традиции, позволяющее исследователю рассматривать культурные явления, хронологически принадлежащие разным эпохам и стилям, в рамках единого и целостного смыслового горизонта – в «большом времени» культуры. В статье обосновывается тезис о том, что диалог с культурной традицией предполагает для Аверинцева процедуру самоустранения, которую он назвал «целомудрием неличного вдохновения». Самоустранение как вслушивание в традицию является основной герменевтической установкой его творческого сознания и образует основу его поэтического, переводческого и научного метода. Метод толкования культурной традиции рассмотрен на материале духовных стихов, переводов из немецко-язычной поэзии, а также на примере из его работы «Греческая литература и ближневосточная словесность».

Ключевые слова: С.С. Аверинцев, традиция, герменевтика культуры, философия всеединства, историческая поэтика

Для цитирования: Вольский А.Л. «Целомудрие неличного вдохновения»: к проблеме метода в творчестве С.С. Аверинцева // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 7. Ч. 2. С. 150–162. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-7-150-162

© Вольский А.Л., 2023

“The chastity of non-personal inspiration”.
To the problem of method in the work of S.S. Averintsev

Alexei L. Volskii

Herzen University, Saint Petersburg, Russia, volskij@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to determine the role of tradition in the work of S. Averintsev. The novelty of the study lies in the fact that the work of the author is considered as a trinity, which includes scientific research, translations and poetry of Averintsev. The article hypothesizes that Averintsev's worldview is based on the philosophy of omniscience, the scientific transcription of which was the Russian school of historical poetics and, more broadly, the Romantic hermeneutics of culture. Central to Averintsev's method is the concept of tradition, which allows the researcher to consider cultural phenomena that chronologically belong to different eras and styles within the framework of a single and unified semantic horizon – the “big time” of culture. The article substantiates the thesis that the dialogue with cultural tradition presupposes the procedure of self-removal, which he called “the chastity of non-personal inspiration”. Self-removal, as listening to tradition, is the main hermeneutic setting of his creative consciousness and forms the basis of his poetic, translation and scientific method. The method of interpreting cultural tradition is examined in spiritual poems, translations from German-language poetry, and an example from his work “Ancient Greek literature and Near Eastern writings”.

Keywords: S. Averintsev, tradition, hermeneutics of culture, philosophy of universalism, historical poetics

For citation: Volskii, A.L. (2023), “ ‘The chastity of non-personal inspiration’. To the problem of method in the work of S.S. Averintsev”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, part 2, pp. 150–162, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-7-150-162

Введение

В статье об исторической поэтике А.В. Михайлов приводит цитату из книги Э.Р. Курциуса «Европейская литература и латинское средневековье»: «Видеть европейскую литературу как целое можно лишь тогда, когда обретешь права гражданства во всех ее эпохах от Гомера до Гёте. Этого не узнаешь из учебника, даже если бы такой и имелся. Права гражданства в царстве европейской литературы обретаешь тогда, когда по многу лет проживешь в каждой из ее провинций и не раз переедешь из одной в другую...» [Михайлов 1986, с. 67].

В отечественном литературоведении последних пятидесяти лет вряд ли можно найти ученого, который удовлетворял бы этому идеалу в большей степени, чем С.С. Аверинцев, область исследований которого буквально совпадала с понятием «европейская литература», словно избравшей этого человека, чтобы в его индивидуальной рефлексии достичь самопонимания. Чувство жизни, определяющее его научный метод, словами О. Манделштама можно назвать «тоской по мировой культуре», о которой он сам как-то сказал: «...как жаль, что мы не в силах все вместить и все любить» [Гаспаров 2004, с. 225].

Научной транскрипцией этого мироощущения стала возникшая под знаком философии всеединства Вл. Соловьева русская школа исторической поэтики от А.Н. Веселовского до самого С.С. Аверинцева, и шире – романтическая герменевтика культуры, многие представители которой (Ф. Гельдерлин, О. Рунге, К. Брентано, Г. Гессе, О. Шпенглер, К.Г. Юнг, Й. Хойзинга, Э.Р. Курциус, Э. Ауэрбах и другие) либо сами были героями творчества Аверинцева, либо обусловили его характер.

Универсализм С.С. Аверинцева подчеркивается большинством исследователей: М.Л. Гаспаров, Г.С. Кнабе, В.В. Биbihин и другие выделяют принципы «большого времени», взаимоосвещения эпох, сверхдискурсивного языка, интердискурсивного анализа, рассмотрение проблем в рамках большого контекста, целостного взгляда на культуру и т. п. [Гаспаров 2004; Кнабе 2004; Биbihин 2004]. Между тем сами понятия большого контекста и большого времени трактуются по-разному.

Ю.А. Асоян предлагает рассматривать творчество С.С. Аверинцева в контексте интеллектуальной истории [Асоян 2020, с. 114], Ю.В. Балакшина возводит герменевтический метод Аверинцева к универсализму восточного христианства [Балакшина 2019, с. 110]. О.А. Седакова, отмечая отсутствие у Аверинцева терминологического инструментария, формализованной процедуры работы с текстом, ключевых слов, таких как «диалог», «полифония» и т. п., иными словами, вторичных признаков научной *речи*, говорит о языке Аверинцева как языке мировой культуры¹.

Это целостность для С.С. Аверинцева совпадает с понятием традиции, о которой он писал: «...моральной основой филологического труда всегда была вера в безусловную значимость традиции,

¹ Седакова О.А. Сергей Сергеевич Аверинцев: Воспоминания. Размышления. Посвящения. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский ин-т, 2020. С. 16.

запечатлевшейся в определенной группе текстов: в этих текстах искали источник высшей духовной ориентации, служению при них не жаль было отдать целую жизнь»².

Сосредоточенное вслушивание, служение традиции сам Аверинцев в одной из статей назвал *«целомудрием неличного вдохновения»* [Аверинцев 1996а, с. 19]. Главный тезис статьи состоит в том, что такое целомудрие было не просто психологическим состоянием, а исходной герменевтической установкой сознания, образующей основу его поэтического творчества, практики перевода и научного метода.

В статье памяти Аверинцева М.Л. Гаспаров вспоминает такое высказывание С.С. Аверинцева: «Моей целью было – ввести мою субъективность в процесс познания, но так, чтобы она в этом процессе умерла». И цитировал Мандельштама: «Я забыл ненужное “я”»³. Забвение ненужного Я, однако, не означает отсутствие творческой субъективности, чей неповторимый голос звучит во всех его текстах, но такую форму ее присутствия, которая, не навязывая себя читателю, выступает в них как чистая форма синтеза.

Духовные стихи – риторика и поэзия

Поэтика индивидуального творчества стремится к выражению внутреннего опыта, полагая оригинальность непременным условием подлинности художественного высказывания. Но в стихах Аверинцева доминирует объективное, неличное начало. Неслучайно излюбленным жанром его поэзии стали духовные стихи, о которых он пишет: «Если я пишу духовные стихи, моя поэзия должна неотрывно смотреть на свет перед собой, не оглядываясь на меня. Забыв про меня»⁴.

Духовные стихи – старинный фольклорный жанр, естественно предполагающий анонимность. Однако анонимность духовных стихов Аверинцева – это анонимность иного плана – искусствен-

² Аверинцев С.С. Филология // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978. Т. 7: Советская Украина – Флиаки. С. 975.

³ Гаспаров М.Л. Академик С.С. Аверинцев // Русский язык. 2005. № 23. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200502301> (дата обращения 15.05.2023).

⁴ От автора и переводчика // Аверинцев С.С. Стихотворения и переводы. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. С. 5.

ная, т. е. осознанная, которая воспринимается современным читателем на фоне изначально субъективной религиозной поэзии интимной и личной. Она требует от автора усилия самоограничения, когда слова для самого сокровенного берутся не из личного опыта, а из самой традиции, вследствие чего цитирование становится главным фактором текстопорождения с трансформацией текста в некое подобие центона⁵.

Читая стихи, в которых одна цитата следует за другой, вводится внутрь другой, не оставляя пространства для вольной поэтической фантазии, невольно задаешь себе вопрос: а поэзия ли это вообще или все же (только) риторика, которой, как мы помним, П. Верлен призывал «свернуть хребет», так как в его эстетической системе поэзия и риторика – это антонимы. Если Верлен движется от риторики к поэзии, то Аверинцев, наоборот, поэзию обращает в риторику, давая ей такое определение: «...риторика – это не значит “говорить не то, что думаешь”; это значит: говорить то, что думаешь ты, но на языке тех, кто тебя слушает»⁶. Язык поэзии Аверинцева – это язык прочитанных им книг. Он не пророк, не *vates*, но *poeta doctus*, поэт-ученый – тип, который с Аристотеля и Горация доминировал вплоть до романтизма, а в русском символизме возрожденный Вяч. Ивановым.

Однако сводить стихи Аверинцева к риторике было бы односторонне и потому неверно. Наряду с риторической тенденцией «чужого слова» в ней присутствует и противоположная тенденция – антириторическая, проявляющаяся прежде всего в семантической *отяжеленности* отдельного слова, преодолевающей сглаженность общих мест. Данная тенденция восходит к традиции гномической и эпиграмматической поэзии от античности до современности. Несмотря на то, что Аверинцев пишет длинные стихи, интенция на замедленность ритма, ведущая к затрудненности и тем самым повышенной осмысленности каждого слова, присутствует у него в полной мере, что мы хотим показать на примере стихотворения «Благовещение», которое начинается так:

⁵Так, в «Благовещенской песни» обнаружено более двадцати образующих ее интекстов, заимствованных, в частности, из Книги Судей (6 и 7 главы), Исаии 7:14 и 53:7, Иеремии 51:64, Псалмов 32:17 и 145:6, Евангелия от Матфея 12:20 и 19:26, Евангелия от Луки 1:28-33, апостольских посланий Иакова (51:64) и Павла к Филиппийцам (2:10), Благодарственного канона Пресвятой Богородице и др.

⁶*Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 388 с.

Меж голых, дочиста отмытых стен,
где глинян пол и низок свод; в затворе
меж четырех углов, где отстоялась
такая тишина, что каждой вещи
возвращена существенность:
где камень воистину есть камень, в очаге
огонь – воистину огонь, в бадье
вода – воистину вода, и в ней
есть память бездны, осененной Духом⁷.

В этом контексте существенность возвращена не просто камню, воде или огню, но самое главное – поэтическому слову, которое стерлось в повседневном словоупотреблении, но вновь обретает истинность в поэтическом высказывании.

Какие средства эпиграмматической концентрации использует Аверинцев? Перечислим лишь важнейшие.

1. Сосредоточенность поэтической рефлексии на существеннейшем, что выражается в использовании автором лексем, обозначающих элементарные первостихии: камень, вода, огонь, глина совместно с ограничивающими их бытовыми пространствами: бадья, очаг, свод, пол, затвор и т. д., а также словосочетаний с семантикой сгущения внутреннего и прояснения качества предмета (отдавать осадок дну, возвращать существенность, отстоялась тишина, глубина яснее и др.). Здесь отсекается все лишнее, рассеивающее и, наоборот, подчеркивается изначальное, ограничивающее, сосредотачивающее. Предметы существуют здесь под знаком изначальной простоты, чистоты, отсутствия излишеств.

2. Новообретение существенности вещами является следствием духовного события – возрастающей сосредоточенности Девы, которая проявляется двояко:

- а) как чувственная концентрация умолкания «земных чувств» (*переданных глаголами – вкушать, обонять, осязать, видеть и внимать*);
- б) как духовная концентрация возрастающей сосредоточенности Девы.

3. Стихотворение написано белым стихом, т. е. нерифмованным пятистопным ямбом. Вследствие этого особую ритмическую и смысловую выразительность приобретает употребление двусложных слов: во-первых, главных участников события – *ангел и Дева*, а также ключевых слов – *вода, огонь, бадья* и т. д., а также

⁷ Аверинцев С.С. Стихи духовные. Киев: Дух і Літера, 2001. С. 20.

двусложных качеств – *низок, глинян*, выражающих, в частности, одно качество через два признака (так называемое *ἐν δὶά δύοῖν*) – *плоть и кровь* или *отвес и ось*, и др., словесные границы которых совпадают с метрическими. За счет этого возникает *симметрия* между метром и словом, дополняющая смысловую выделенность слова ритмической выделенностью, усиленная за счет введения слов, число слогов которых кратно метру, и их дополнительное выделение за счет ритмического переноса (enjambement): *присутствие, существенность, воистину, отхлынула* и т. п.

4. Каламбуры, которым возвращено их изначальное эпиграмматическое, т. е. гномическое, значение: *от мира – взор, и мир – от взора; в изменчивости (дней) / неизменяемое, собрана в уме, и собран целый ум, яд греха, и стыд греха, помысл помыслом*, время на заре времен, *молвилась молва, из сердцевины сердца, О, сила. Тот, чье имя – Божья сила, / учил о Силе, что для всякой силы / дает исток*.

Логические парадоксы: *свет / есть смерть; Кто видел Бога, / тот умрет; видеть все – предлог, чтобы не видеть, слышать все – / предлог, чтобы не слышать, ангельская речь – / как бы не речь...* и т. д.

5. Образы духовного усиления: *Мысль пригвождена и распят ум, жар сосредоточенности, стихает смута мыслей, ум / к молчанию понудив, слова сумела выговорить Дева* и др.

6. Синкретические образные комплексы, в которых семантические отношения по сходству (метафоры) накладываются на отношения по смежности (метонимии):

*Вся жизнь заключена
в единой точке словно в жгучей искре,
все в сердце собрано, и жизнь к нему
отхлынула.*

7. В данном отрывке перед нами: логический парадокс («жизнь заключена в точке»), метафорическое сравнение («словно в жгучей искре»), четверное указание на место («в ...точке, в ...искре, в сердце, к нему»), глагольная метафора («жизнь... отхлынула»).

8. Имена собственные, придающие всему тексту характер уникальной историчности: *Дни / Навиновы гремело. Солнце, стань, / над Гаваоном и луна – над долом / Авалон!* и др.

9. Цепочки уточняющих метафорических (в том числе построенных на звуковом уподоблении) перифраз: *Отрок, Отрасль – тонкий / росток процветший, царственный побег / от корня благородного;*

10. Риторические вопросы:

*...блюдут ли небеса,
что человек блюдет? Не пощадит –
иль пощадит Незримый волю Девы
и выбор Девы?»⁸*

11. Архаизмы (часто с аффиксами), утяжеляющие смысловое и синтаксическое развертывание: *всезиждущая, изнеможет, неплодный, укрома, лелеемая (радость), испытуеться, подьемлеться* и др.

Данный список можно продолжить. Но важно, что вслушивание в традицию не лишает автора собственного голоса, собственной поэтической рефлексии, но, наоборот, становится ее катализатором.

Перевод и традиция «думающих поэтов»

Симптоматично, что и в переводческой работе Аверинцев придерживается сходного принципа самоустранения. Во вступительной статье к изданию своих переводов он говорит: «Я старался не выплескивать в переводы избыток собственного “я”, а ощущать переводимых авторов как реальность более реальную, чем это “я”»⁹.

И воспроизводя эту реальность, он показывает «что у Гёте не могло бы, не дай бог, оказаться романтического трепета Рунге, а у Рильке экспрессионистической угловатости Бенна»¹⁰.

Вместе с тем за реальностью индивидуального «я» в его переводах постоянно «просвечивает» реальность, которая для него еще более реальна – реальность традиции. Я хотел бы пояснить свою мысль на примере переводов из немецкой поэзии, поскольку культуру Европы Аверинцев воспринимал прежде всего сквозь призму немецкой культуры.

Что это за традиция? Если мы посмотрим на список переведенных им немецкоязычных поэтов, то увидим разнообразие, несводимое к какому бы то ни было конкретному литературному направлению или конкретной религиозно-культурной парадигме. От Мартина Лютера до Райнхольда Шнайдера – поэты почти пяти

⁸ Там же. С. 21.

⁹ *Аверинцев С.С.* Стихотворения и переводы. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 3.

столетий. Что же может служить общим знаменателем для этих стилистически столь несхожих поэтов? Чтимый Аверинцевым М. Хайдеггер говорил о так называемых думающих поэтах, т. е. таких, которые в своей поэзии стремятся проникнуть в первооснову бытия. Мне кажется, что именно такие поэты притягивают Аверинцева. Все они обращены к метафизической основе жизни, которая раскрывается то как Бог, то как трансцендентное бытие, то как судьба, то как, например у Готфрида Бенна, обезбоженная и потому умирающая европейская культура, то, наоборот, как надежда грешного мира – «Госпожа Страданье» в поэзии католической поэтессы Гертруды фон Ла Форт.

Автономность традиции становится особенно ощутимой в тех случаях, когда переводчик нарочито ее выделяет, поступаясь даже ключевыми индивидуальными образами переводимых текстов. Приведу два небольших примера.

Первый пример – стихотворение И.В. Гёте «Первоглаголы. Учение орфиков» (1817 г.), которое начинается такими словами:

Wie an dem Tag, der dich der Welt verliehen,
Die Sonne stand zum Gruße der Planeten¹¹,

Аверинцев переводит:

Со дня, как звезд могучих сочетанье
Закон дало младенцу в колыбели¹².

В переводе исчезает образ солнца, конкретный и пластичный, а вместо него Аверинцев употребляет абстрактное слово «закон». Но для Гёте солнце – ключевой образ. Достаточно вспомнить гимн солнцу во вступлении ко второй части Фауста или знаменитое признание, сделанное Эккерману, о том, что для него, Гёте, солнце всегда было олицетворением высшего начала. Кроме того, упоминание солнца в этом стихотворении имеет важную жизненную параллель – автобиографию «Поэзия и правда» Гёте начинает с рассказа о своем рождении 28 августа 1749 г. под знаком солнца. Это для Гёте очень важно, и Аверинцев этого не знать не мог. Но он абстрагируется от этой биографической конкретики, а вместо этого дает «общий план», который подчеркивает не личное, сверхличное, т. е. «орфическое», начало.

¹¹ *Goethe J.W. Urworte. Orphisch // Goethes Werke in zwölf Bänden. Bd. 2: Gedichte. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1981. S. 158.*

¹² *Аверинцев С.С. Стихотворения и переводы... С. 46.*

Второй пример – стихотворение П. Целана «Мандорла», которое открывается вопросом: *In der Mandel – was steht in der Mandel?*¹³.

В своем переводе Аверинцев неожиданно отказывается от миндала как зрительного образа мандорлы. Вместо этого он использует абстрактное существительное «глубь». «Глубь – что таит глубь?»¹⁴. Тем самым он дает мысли автора, с моей точки зрения, иное направление, усиливая гностическо-мистическую тему, отсылающую, в частности, к мотиву «самоуглубленности» как обобщенной характеристике немецкой идентичности. Тем самым Целан изымается из ряда поэтов, писавших об историческом времени (к которым он себя сам причислял наряду с Бюхнером или Мандельштамом) и становится в один ряд с поэтами-метафизиками, писавшими о вечном бытии¹⁵.

Итак, Аверинцев переводит очень точно, бережно сохраняя индивидуальный стиль. Но когда он все же отступает от него, то такие отступления обнаруживают тенденцию к абстрагированию, к подчеркиванию сверхличной традиции.

Традиция как культурный миф

Традиция – ключевая категория для Аверинцева-ученого, мыслящего в масштабах «большого времени». Достаточно взглянуть на названия его работ: «Греческая литература и ближневосточная словесность», «Византия и Русь: два типа духовности», «Риторика и основы европейской духовной традиции», «Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России» и т. д.

Но что означает традиция? Традиция – это проявление вечного во временном, бытия – в становлении, мифа – в истории. В способности созерцать в части целое Гёте усматривал сущность искусства. С.С. Аверинцев обладал таким даром.

Я хотел бы показать это на небольшом примере из его программной статьи «Греческая литература и ближневосточная

¹³ *Celan P. Mandorla // Celan P. Gedichte. Stuttgart: Suhrkamp Verlag, 1995. S. 244.*

¹⁴ *Аверинцев С.С. Стихотворения и переводы... С. 52.*

¹⁵ Сюда же относится и введение в перевод лексем «таить и зреть», избыточно подчеркивающих обобщенно-мистическую традицию, а также перевод слова “Jude”, которое у Целана наверняка означало «еврей», словом «иудей».

словесность» (1970), основные идеи и формулировки которой впоследствии вошли в «Поэтику ранневизантийской литературы».

Напомню, что центральная проблема этой статьи – типологическое соотношение античной литературы и библейской поэзии, сформулированное в вопросе Тертуллиана: «Что общего у Афин и Иерусалима?» Это сопоставление базируется на сопоставлении двух культурных мифов: 1) греческий мир – это «космос» как симметрично организованное пространство; 2) иудейский мир – этом «олам» как эсхатологически истолкованная история. Греческому пространству противостоит иудейское время. Под знаком этих мифов (а миф он вслед за Шеллингом понимает как абсолютную реальность) развиваются ключевые явления греческой и иудейской культуры, которые суть не что иное, как их отражения во времени¹⁶.

Как известно, лучший цвет литературного диалога – это диалог Платона, а их самый главный герой, самый неприменный персонаж и самый яркий образ – Сократ. Но что такое платоновский Сократ? Это идеал радикально недIALOGического человека, который не может быть внутренне окликнут, задет и сдвинут с места словом собеседника, который в пылу спора остается всецело непроницаемым, неуязвимым, недостижимым для всякого иного «я», а потому в состоянии манипулировать партнерами в беседе, двигать ими, как вещами, сам никем не движимый.

Такой образ – гениальный литературный коррелят эллинских философских концепций самодовлеющей сущности: и неделимого «единого» элеатов, и демокритовского «атома», и платоновского «сущностно-сущего»... и того неподвижного Перводвигателя, о котором будет учить Аристотель. Это «индивидуальность» в полном смысле слова, некое «в себе» (греч. καθ' αὐτό) [Аверинцев 1996а, с. 22].

Итак, греческий мир есть космос. «Звездами и планетами» этого космоса являются Сократ как воплощение принципа индивидуальности – названные выше философские понятия и системы – сферическая замкнутость греческой полисной культуры – греческая литература как автономная область коммуникации. Внутри

¹⁶ В другой статье С. Аверинцев пишет: «Греция дала образец меры, Библия – образец безмерности; Греции принадлежит “прекрасное”, Библии – “возвышенное”... Грек Протагор сказал: “Человек есть мера всех вещей”; но Библия рисует бытие, как раз неподвластное человеческой мере, несоизмеримое с ней» (Аверинцев С.С. Арфа царя Давида: у истоков древнейшей лирической традиции // Иностранная литература. 1988. № 6. С. 189–195).

этого ряда индивидуальные различия между явлениями отходят на задний план. Перед нами прежде всего сходства, на первый план выдвигается традиция, которая созерцается как целое и которой противостоит другое целое – Иудея с ее интуициями времени, истории, разомкнутой индивидуальности и диалога.

Заключение

Как известно, двухполюсную историю литературы М.М. Бахтина С.С. Аверинцев превратил в триаду, дополнив третьей, промежуточной стадией – рефлексивным традиционализмом [Аверинцев 1996б, с. 153–154], под которым он понимал эпоху, простирающуюся от Вергилия до Гёте, в которой традиция и индивидуальное творчество образуют равновесное единство, хотя и с преобладанием первого элемента над вторым. Думается, что родину творческого метода самого Аверинцева, пусть это и покажется анахронизмом, следует искать именно в эпохе рефлексивного традиционализма. В поэзии, переводе, исследованиях он открывает или конструирует традицию, на фоне которой вторично рождается его авторская рефлексия, т. е. проявляет себя не как живописец-индивидуалист, а скорее, как иконописец-традиционалист, для которого свобода индивидуального творчества всегда определяется жанровым канонем и границами предания.

Литература

- Аверинцев 1996а – *Аверинцев С.С.* Греческая литература и ближневосточная словесность // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 13–75.
- Аверинцев 1996б – *Аверинцев С.С.* Древнегреческая поэтика и мировая литература // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 146–157.
- Асоян 2020 – *Асоян Ю.А.* Аверинцев и проект интеллектуальной истории // Вестник культурологии. 2020. № 1. С. 114–130.
- Балакшина 2019 – *Балакшина Ю.В.* Герменевтика С.С. Аверинцева: истоки, принципы, своеобразие // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. № 32. С. 110–127.
- Бибихин 2004 – *Бибихин В.В.* Записи о встречах // Вопросы литературы. 2004. № 6. С. 28–33.
- Гаспаров 2004 – *Гаспаров М.Л.* Памяти Сергея Аверинцева // Вестник древней истории. 2004. № 4. С. 225–226.

- Кнабе 2004 – *Кнабе Г.С.* Об Аверинцеве // Вопросы литературы. 2004. № 6. С. 34–37.
- Михайлов 1986 – *Михайлов А.В.* Историческая поэтика в контексте западного литературоведения // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения / Редкол.: М.Б. Храпченко и др. М.: Наука, 1986. С. 53–71.

References

- Asoyan, Yu.A. (2020), “Averintsev and the project of intellectual history”, *Vestnik kul'turologii*, no. 1, pp. 114–130.
- Averintsev, S.S. (1996), “Greek ‘literature’ and Middle Eastern ‘language arts’”, in Averintsev, S.S., *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [Rhetoric and the origins of the European literary tradition], *Yazyki russkoi kul'tury*, Moscow, Russia, pp. 13–75.
- Averintsev, S.S. (1996), “Ancient Greek poetics and world literature”, in Averintsev, S.S., *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [Rhetoric and the origins of the European literary tradition], *Yazyki russkoi kul'tury*, Moscow, Russia, pp. 146–157.
- Balakhshina, Yu.V. (2019), “Hermeneutics S.S. Averintseva. Origins, principles, originality”, *Vestnik Soyato-Filaretovskogo instituta*, no. 32, pp. 110–127.
- Bibikhin, V.V. (2004), “Records of meetings”, *Voprosy literatury*, no. 6, pp. 28–33.
- Gasparov, M.L. (2004), “In memory of Sergei Averintsev”, *Vestnik drevnei istorii*, no. 4, pp. 225–226.
- Knabe, G.S. (2004), “About Averintsev”, *Voprosy literatury*, no. 6, pp. 34–37.
- Mikhailov, A.V. (1986), “Historical poetics in the context of Western literary criticism”, in Khrapchenko, M.B., ed. (1986), *Istoricheskaya poetika: itogi i perspektivy izucheniya* [Historical poetics. Results and prospects of the study], Nauka, Moscow, USSR, pp. 53–71.

Информация об авторе

Алексей Л. Вольский, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; Россия, 191186, Санкт-Петербург, Наб. реки Мойки, д. 48; volskij@mail.ru

Information about the author

Alexei L. Volskii, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Herzen University, Saint Petersburg, Russia; 48, Moika Emb., Saint Petersburg, 191186, Russia; volskij@mail.ru